

Хуа Мао был ошеломлен:

— Погоди, ты хочешь сказать, что Кэ Маньцин на самом деле издевается над своей дочерью?

— Это всего лишь предположение. Подумай сам, зачем Ци Хао, мстительному духу, воровать еду? И куда девается эта еда? Хотя ему всего десять лет, по сути, ему уже шестнадцать. Даже если он может перемещаться только в пределах виллы, в современном мире, с телевизором и компьютером, он мог научиться всему, что нужно, — анализировал Цзин Хай.

Чунмин вспомнил девочку, которую видел утром. Она действительно выглядела очень худой, но он не мог понять:

— Она живет в вилле и у нее есть деньги, зачем ей издеваться над своей дочерью? Сколько может съесть ребенок?

— Или это няня? — Хуа Мао тоже считал это абсурдным. Жить в роскошном доме, ездить на спортивных машинах, но не кормить свою дочь — это совершенно нелогично. — Кэ Маньцин, конечно, немного глуповата, но не настолько зла. Я думаю, это няня издевается над ребенком, скрывая это от нее. А ее дочь молчит, потому что у нее аутизм. Кэ Маньцин в шестнадцать лет связалась с Чжан Кунем, даже не закончила школу, а через пару лет родила ребенка. Ты думаешь, она способна заботиться о ребенке? Конечно, она все бросила на няню.

Цзин Хай, который никогда не общался с Кэ Маньцин, сохранял сдержанность:

— Это тоже возможно. Но сколько бы мы ни гадали, все это лишь наши предположения. Вечером спросим Ци Хао, он точно знает, что происходит.

Чунмин изначально относился к Кэ Маньцин нормально, но после слов Хуа Мао и Цзин Хая, вспомнив ту худенькую девочку, его мнение о ней резко ухудшилось.

Двоюродная бабушка была права: видишь лицо, но не видишь сердца. Не каждая красивая девушка — хороший человек.

После ужина все собрались в гостиной, чтобы посмотреть телевизор. К одиннадцати часам Чунмин пошел в гостевую комнату разбудить старшего брата. В последнее время их отношения становились все ближе, так как только он мог касаться старшего брата, и многие дела, которые раньше выполнял Цзин Хай, теперь перешли к нему.

Чунмин не считал это обременительным, с удовольствием помогая.

— Старший брат, помедленнее, — он помог Вэй Шуфану спуститься по лестнице. Вилла Хуа Мао была хорошо спроектирована, но все комнаты находились на втором этаже, что было неудобно, если в доме кто-то с трудностями в передвижении.

Хуа Мао, прислонившись к стене, тихо вздохнул:

— Если бы я не видел это своими глазами, никогда бы не поверил, что кто-то осмелится держать старшего брата Вэй за руку. Интересно, какое у Вэй Чжэ и других лица.

Цзин Хай, вспомнив их семью, с отвращением хмыкнул:

— Кого волнует, что они думают.

Хуа Мао толкнул его локтем:

— Скажи честно, ты не находишь, что старший брат и маленький мастер Чунмин подходят друг другу? Смотри, никто не может касаться старшего брата Вэй, только он может. Разве это не судьба?

Цзин Хай нахмурился:

— Хозяин и господин Чунмин — братья по духу.

— Брось, — Хуа Мао скривил губы. — Не ожидал, что ты такой старомодный. Братья по духу — это не кровные братья. В любви все равны. В наши дни даже раса не имеет значения, кто обращает внимание на пол? В этом плане моя интуиция всегда точна. Помнишь, как я почувствовал что-то неладное с Жунцзе и Сун Тунгуаном? Жди и увидишь!

Цзин Хай посмотрел на спускающихся по лестнице двоих. Господин Чунмин внимательно смотрел под ноги, на лице его была улыбка, которая поднимала настроение. Хозяин, как всегда, выглядел мрачно, но в его взгляде была мягкость. Два красивых человека, один теплый, другой холодный, действительно выглядели гармонично.

Раньше он об этом не думал, но после слов Хуа Мао он начал чувствовать, что это не так уж плохо. С таким телосложением хозяина, если в будущем не появится кто-то, кто не будет его бояться, он всю жизнь будет только с господином Чунмином.

Оба смотрели на лестницу, не замечая, как старый монах на диване, играя на телефоне, услышав это, сделал выражение лица, говорящее: «Вот оно что».

Они снова отправились в дом Кэ Маньцин. Та, похоже, выбрала Хуа Мао, с улыбкой встретив его. Она переоделась и даже нанесла легкий макияж, в свете ламп выглядела еще более очаровательной, смотря на Хуа Мао томным взглядом.

На этот раз Цзин Хай и Вэй Шуфан тоже поднялись. Кэ Маньцин, естественно, не знала Вэй Шуфана, но, взглянув на его лицо, как и все остальные, вздрогнула и сразу же отошла подальше, даже ее кокетливая поза немного поутихла. Хотя она и глуповата, но у простых людей есть интуиция, они знают, как избегать опасности.

Хуа Мао взял на себя роль приманки, чтобы удержать ее на первом этаже, Цзин Хай помогал ему, а Чунмин, поддерживая старшего брата, последовал за старым монахом на крышу.

Кэ Маньцин, хоть и была недалеко, почувствовала что-то неладное, но, раз уж они уже вошли, она не осмелилась их выгнать, с тревогой приблизившись к Хуа Мао:

— Третий молодой господин, скажите прямо, что здесь происходит?

Она знала свои пределы. С такими, как Хуа Мао, она могла позволить себе кокетничать, зная, что даже если он не примет ее ухаживания, он не будет груб. Но тот человек, что был рядом, и тот, что сидел в стороне, явно не были из числа тех, с кем можно играть. Неужели это Чжан Кунь натворил что-то?

Её лицо изменилось, и все мысли о соблазнении исчезли.

Хуа Мао, увидев это, немного уважительнее посмотрел на нее, но, вспомнив о ее возможно издевающейся над дочерью, все равно не испытывал симпатии, бросив пульт:

— Сиди и смотри телевизор, если что-то понадобится, я спрошу.

Кэ Маньцин села, полная тревоги.

Чунмин, войдя в виллу, сразу почувствовал присутствие Ци Хао. Тот умер, упав с лестницы и ударившись головой. Последующие владельцы виллы, возможно, считая это дурным предзнаменованием, перестроили виллу, лестницу перенесли, теперь она находилась справа от входа, а раньше была слева, так как скопление иньской ци было слишком очевидным.

К счастью, там стояло большое пианино, и, судя по виду Кэ Маньцин, она вряд ли действительно играла на нем, иначе, долгое время находясь рядом, она не была бы такой здоровой.

Перед уходом утром старый монах кое-что подготовил, так что Ци Хао не мог сбежать. Войдя, они сразу увидели его, прячущегося под пианино. Старый монах пальцем подозвал его к себе и повел на крышу.

Будучи ребенком, Ци Хао, поняв, что не может сопротивляться, дрожал от страха.

— Я... я не делал ничего плохого, я просто брал остатки еды для сестры. Я никому не причинял вреда, не убивайте меня...

Он умер с обидой, и хотя не был запятнан злом, стал злым духом. Хотя он выглядел мило, под глазами у него были кровавые следы, а зрачки окрашены в красный, что делало его жутким.

Чунмин спросил:

— Сестра? Какая сестра? Дочь хозяйки дома? Ты не хочешь быть освобожденным, потому что беспокоишься о сестре?

Ци Хао робко посмотрел на них и, видя, что они не собираются его убивать, сказал:

— Отчасти из-за сестры. Я боюсь, что если я уйду, никто не будет искать для нее еду. Няня Ван не кормит ее, она злая, иногда даже бьет сестру за спиной тети. Тетя не любит сестру, только когда приходит папа, она берет ее на руки...

Он даже заплакал.

Чунмин впервые видел, как дух плачет, и был удивлен.

Старый монах цокнул языком, словно обнаружил что-то интересное:

— А другая причина?

Ци Хао заплакал еще сильнее:

— Я хочу увидеть маму, я скучаю по мамой, ууу... мама...

Но твоя мама уже умерла, Чунмин был в замешательстве, как ему сказать это. Старый монах тоже не собирался говорить, и, обменявшись взглядами, оба посмотрели на Вэй Шуфана.

Старший брат Вэй, встретив их молящие взгляды, поднял бровь:

— Твоя мама уже умерла. — Он сделал паузу, добавив:

— Прими соболезнования.

Ци Хао мгновенно перестал плакать, его обида резко возросла, кровавые следы на лице расширились, а в глазах загорелась ярость:

— Это он, это он, он убил маму, я отомщу, я отомщу!!

Вокруг поднялся холодный ветер, заставляя листья шуметь.

Чунмин, увидев это, быстро встал перед Вэй Шуфаном, защищая его.

Старый монах перебирал четки, бормоча молитвы, слова превращались в золотой свет, падая на Ци Хао, сдерживая его обиду.

<http://bllate.org/book/16737/1539966>